

*АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ*

К ИСТОРИИ ВОПРОСА
ОБ УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ
ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Н.Я. Петраков

Приведена периодизация развития российской экономики начиная с конца XIX в. по настоящее время. Анализируются изменения, имевшие место на этом историческом интервале в российском обществе и экономике. Выделены структурные особенности российской экономики, а также такие дестабилизирующие факторы, действующие в российском обществе последние два десятилетия, как имущественное расслоение населения, спад инвестиционной активности, повышенная степень аварийности технологического оборудования и т.п. Констатируется, что ни одна из диспропорций, унаследованных от сталинского режима (гипертрофия военно-промышленного комплекса и сырьевых отраслей, плачевное состояние сельского хозяйства и т.п.), до сих пор не только не преодолена, но и не смягчена.

Ключевые слова: устойчивое развитие, стабилизация экономики, структурные диспропорции.

Общая теория устойчивого развития не требует для ее понимания на уровне здравого смысла никаких специальных знаний. Чтобы чувствовать себя уверенно, отдельному человеку или обществу нужно примерно одно и то же. Необходимо так организовать свое поведение, чтобы минимизировать зоны повышенного риска, по возможности «расшить» узкие места, мешающие фронтальному продвижению к поставленным целям, локализовать сферы непредсказуемого поведения или попытаться сделать их предсказуемыми и, наконец, создать условия для обретения уверенности в завтрашнем дне (запасы на «черный

© Петраков Н.Я., 2011 г.

день», наличие надежных партнеров, включение в систему взаимного страхования и т.п.).

Так что понять общую философию (логику) формирования устойчивого состояния объекта в окружающей среде не представляет труда. Сложнее другое – реализовать поведение объекта в соответствии с этой логикой. И трудности здесь носят объективный характер. Мы уже отмечали, что чрезвычайно важным (а иногда решающим) моментом в выборе стратегии поведения объекта в этом непросто мире является мера риска, на которую этот объект внутренне согласен. Идете ли вы на экзамен, выучив один билет и свято веря в свою счастливую звезду, или зубрите весь учебник от корки до корки, или пытаетесь понять внутреннюю основу изучаемой области науки, а дальше надеетесь на свою интуицию и способность ориентироваться в неожиданных ситуациях, – согласитесь, все это совершенно разные типы поведения с точки зрения принимаемой степени риска.

Пока проблема не выходит за рамки сферы индивидуальной психологии, мы вольны субъективно восхищаться (или возмущаться) бесшабашностью (тоже субъективной) разного рода авантюристов и «коммунаров, штурмующих небо».

Однако когда речь идет о развитии социально-экономической системы, то выбор меры риска – это одновременно (и зеркально) выбор темпов роста. Можно все ресурсы бросить на стабилизацию, минимизировать все возможные и придуманные риски (подобно чеховскому человеку в футляре), но при этом законсервироваться, самоизолировать от внешней информации и в конечном счете потерять «вкус к развитию». Такая стратегия поведения напоминает беспроигрышную, но и безвыигрышную игру в рулетку, когда игрок ставит половину денег на чет, а половину – на нечет. (Подвести его может только zero.)

Альтернативой такой свехосторожности является ва-банковская стратегия поведения.

Понятно, что разумная социально-экономическая политика должна располагаться где-то между двумя этими крайностями.

Истина всегда посередине. Экстремизм, как и боязнь любых рисков, приводит к абсурдным решениям, является катализатором процессов, разрушающих систему.

Мировая история дает многочисленные примеры государственных и межгосударственных образований, стремившихся и стремящихся к устойчивому, сбалансированному развитию. Иногда они впадали в стагнацию и оказывались беспомощными под ударами внешних сил (зачастую очень слабыми). В других случаях удавалось оптимально сочетать факторы стабилизации и интенсификации. Не хочу приводить исторические примеры, чтобы не отбивать хлеб у моих коллег историков. Но что касается России, то здесь есть предмет для конкретного разговора.

Россия – страна, вырабатывавшая, выбиравшая свою стратегию развития в течение нескольких веков. Выбор этот своеобразен, по существу нерационален и консервативно зациклен в своих переходах от социальной всеядности к полному неприятию социального консенсуса; по форме разрушителен или, по меньшей мере, неконструктивен.

Все это потому, что выбор России – это выбор предельно рискованного типа социально-политического развития.

Только в течение одного столетия – XX в. – Россия трижды имела возможность экономического, социального и геополитического взлета, и трижды она ставила все или на упрямство власть имущих слоев, или на идеологические фетиши революционеров-экстремистов, или на доведенные до абсурда идеи либерализма, иными словами, на отчаянное русское «авось», на русскую рулетку с одним, но почему-то обязательно роковым для России патроном в барабане револьвера истории.

Первая возможность возникла в самом начале века и закончилась катастрофой 1917 г.; вторая – между 1956 (хрущевская оттепель) и 1968 г. (пражская весна) – была бездарно разменяна на лозунги чистоты марксизма-ленинизма и недопустимости так называемого рыночного социализма; а третья «счастли-

вая карта» в образе победившей демократии по невообразимому стечению обстоятельств обернулась «пиковой дамой» почти полной деградации национальной экономики России.

Чтобы не быть голословными, проведем небольшой историко-экономический экскурс.

Период 1887–1913 гг. до сих пор, считается «золотым веком» российской экономики. Никогда – ни до, ни после этого короткого исторического отрезка – Россия не развивалась столь стремительно. Прирост промышленной продукции в неизменных ценах за период 1900–1913 гг. составил 74,1%. За пятилетие 1908–1912 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием производство пшеницы возросло на 37,5%; ячменя – 62,2; кукурузы – 44,8%. В 1890 г. в стране было 26,6 тыс. верст железных дорог, в 1915 г. – 64,5 тыс. (Геллер, Некрич, 1989, с. 10 – 11).

Русское экономическое «чудо» ничем не уступало американскому и не имело в то время аналогов в Европе, а тем более в Азии. Начало XX в. предвещало России процветание страны и благоденствие ее граждан. Но при одном условии: нельзя было безоглядно делать ставку на максимальный хозяйственный рост. Необходимо было выделять весомую часть средств на поддержание социальной стабильности. Этого сделано не было. Более того, правящие слои российского общества и молодая буржуазия (первые «новые русские») самым активным образом сопротивлялись любым социальным и экономическим поблажкам населению (как сказали бы теперь – отвергали популизм и дешевое заигрывание с массами). Дело доходило до абсурдных эпизодов. Так, в 1912 г. Союз российских промышленников пригрозил исключением из своих рядов тем заказчиком, которые попытаются ввести на своих предприятиях восьмичасовой рабочий день.

Удручающей была картина динамики реальной заработной платы в промышленности. Вот свидетельство выдающегося русского исследователя народного хозяйства С.Н. Прокоповича: «За 13 лет с 1900 по 1913 г. реальная заработная плата русского рабочего

повысилась только на 11,7%, причем главный подъем ее имел место в революционные 1904–1906 гг., а затем она не только не росла, но даже падала, хотя и незначительно. На такую низкую заработную плату рабочих не мог содержать семью; поэтому семья его в большинстве случаев жила в деревне, на земле, а рабочий с 18–20 лет до 45–50, когда он возвращался окончательно в деревню доживать свой век, жил в городе бобылем, приходя к семье лишь изредка на побывку» (Прокопович, 1952, с. 65).

Такое положение вещей явилось мощным дестабилизирующим фактором общественного развития России. Причем волны дестабилизации распространялись по двум главным направлениям: экономическому и социально-политическому.

Что касается экономической стороны, то искусственное подавление платежеспособного спроса населения рождало асимметрию в развитии народного хозяйства, ограничивало рынки сбыта, а следовательно, и темпы роста производства потребительских товаров и услуг. Особенно это было заметно на примере текстильной промышленности. Профессор Л.Б. Кафенгауз, один из крупнейших авторитетов в истории российской и советской промышленности, по этому поводу писал: «Среди крупных отраслей нашей промышленности наиболее медленным темпом росла в течение периода капиталистической реконструкции текстильная промышленность. Низкий уровень и медленный рост производства тканей является одной из наиболее существенных черт развития нашей промышленности в этот период.

Отрасль, развитие которой больше, чем какая-либо отрасль, зависит от уровня и роста доходов всего населения, была ограничена в своем росте... слабым ростом спроса»¹ (Кафенгауз, 1994, с. 55).

¹ Удивительно, как в годы социалистической индустриализации большевики повторили ту же самую стратегическую ошибку в развитии экономики России, усугубив структурную диспропорцию между

Не менее интересна и поучительна социально-политическая сторона рассматриваемого дестабилизационного процесса. Россия наращивала экономический потенциал, совершенно не заботясь о росте доходов своих граждан. Это толкало последних на организацию различного рода протестов против работодателей и в конечном счете на политические выступления. Возглавила эту борьбу, как известно, только формирующаяся интеллигенция.

К сожалению, сейчас мало кто вспоминает, что среди политически активных интеллигентов начала XX в. были распространены две взаимоисключающие установки на цели политической борьбы. Одна наиболее значительная и прагматически настроенная часть интеллектуалов считала главной своей задачей смягчение, а впоследствии и полную ликвидацию возникшего в России дисбаланса между высокими темпами индустриального развития и крайне медленным увеличением жизненного уровня населения и его платежеспособности. Делалась ставка на изменение экономических условий жизни и работы наемных работников (введение восьмичасового рабочего дня, установление оплаты труда в соответствии с реальной стоимостью рабочей силы, организация цивилизованного рынка труда, пенсионное обеспечение и иные социальные гарантии). Иными словами, это была борьба за создание партнерских отношений между крупным капиталом и широкими общественными слоями трудящихся (включая не только рабочих, но и инженеров, учителей, врачей, работников науки и высшей школы). Естественно, борьба за экономические права предполагала действия только в рамках закона.

Этой позиции противостояла небольшая группа экстремистов (большевики, анархисты, позже левые эсеры), которые утверждали, что никакого «союза труда и капитала» быть не может, что для удовлетворения даже самых минимальных экономических и социальных

тяжелой и легкой промышленностью, но под иным идеологическим прикрытием.

требований трудящиеся должны разрушить всю общественную систему «до основания». Это был призыв к взрыву, к хаосу, из которого «новые боги» за семь или чуть больше дней построят новый мир. Программа большевиков как типичных политических экстремистов состояла в те годы из набора «мероприятий» по максимальной дестабилизации общества и экономики, или, пользуясь терминологией конца 1980-х – начала 1990-х гг., «раскачиванием лодки» до полного опрокидывания ее вверх дном.

Экстремизм – явление, широко известное во всем мире. Он присутствует в политическом спектре почти всех стран. Однако в цивилизованных государствах экстремисты почти всегда политические аутсайдеры (исключение – Италия, Германия, отчасти Испания 1920-х – первой половины 1940-х гг.). В России же экстремисты, сменяя идеологические знаки различия, продержались у власти практически весь XX в. Почему? Что касается начала века, то ответ на этот вопрос очевиден. Экстремисты пришли к власти, потому что правящий слой российского общества в лице аристократии и новой буржуазии полностью отверг все предложения пойти на экономические и социальные компромиссы. Борьба за социальную справедливость и экономические права, проводимая ненасильственными методами здравомыслящей частью интеллигенции, встретила столь резкое и циничное отторжение первых «новых русских», что идея социального партнерства была в России полностью скомпрометирована. Ленин оказался прав: россияне – люди генетически рисковые, ва-банковая стратегия, русское «авось», смертельная рулетка лежат в основе национальной стратегии развития, коль скоро стратегию эту определяют политики с психологией временщиков. Ленин, тщательно изучивший процессы развития капитализма в России, как никто другой понимал, что «скоробогатый», быстро сделавший свое состояние, имеет психологию временщика уже потому, что далеко не всегда понимает, почему вдруг пошел такой «фарт», а с другой стороны, животво боится, что все

отберут, конфискуют, украдут. Люди с такой психологией на компромисс не пойдут. А коль скоро так, то лозунг «грабь награбленное», или по-иностранному (чтоб ласкало ухо) «экспроприация экспроприаторов», становится весьма популярным. И экстремизм побеждает. И побеждает он благодаря тупости и алчности нуворишей. Такова наша российская история начала XX в. Консерватизм царизма², помноженный на опьянение легкими и быстрыми деньгами «деловых людей», взорвал российский социум в 1917 г.

Общественный прогресс привел к самоуничтожению общества из-за нежелания (и непонимания) необходимости инвестировать в стабилизирующие факторы. А. Богданов, автор «Всеобщей организационной науки (тектологии)», любил говорить: «Скорость движения армии определяется скоростью движения обоза». Это было впервые сказано в 1908 г. И в этом слышится что-то пророческое, если вспомнить польскую кампанию Красной армии в Гражданскую войну.

Но вернемся к экономике России и одновременно перенесемся в постсталинский период.

После смерти Сталина Советский Союз представлял собой экзотическую картину. С одной стороны, огромный вес и соответственно влияние в мировой политике, с другой – внутренняя структурная несбалансированность экономики. Отсюда главное противоречие: великая держава с нарастающим отставанием по всем социальным стандартам жизни своих подданных от других не только великих, но и просто цивилизованных стран. Сталин снимал это противоречие с

² Консерватизм царизма выразился в экономической области в первую очередь в том, что столыпинские реформы были заторможены, а их автор убит охранкой невзирая на высокий государственный пост. Связь российского консерватизма с экстремизмом прекрасно выразил Л. Троцкий, отметивший, что «если бы реформа Столыпина была завершена, русский пролетариат не смог бы прийти к власти в 1917 г.».

наивностью политического пахана: создавал железный (информационный) занавес между двумя системами. Это было дорого, но, главное, бесперспективно, если учитывать направления научно-технического прогресса и прежде всего начавшуюся именно после Второй мировой войны революцию в области информатики. Но предвидение этих процессов было недостижимо для интеллекта Сталина, обращенного своим острием в опыт средневековья.

На Хрущева свалилось тяжелое наследство (впрочем, как мы все знаем, не свалилось, а было захвачено в смертельной схватке с другими царедворцами, каждый из которых, включая победителя, не имел никакого представления о реальных проблемах страны, но понимал, как вкусна власть).

В экономической сфере (о политической, идеологической, межнациональной написано много) деструктивные элементы сводились к четырем крупным блокам.

1. Гипертрофия военно-промышленного комплекса. Геополитические амбиции Советского Союза привели к фантастическому разрастанию всех отраслей производства, которые прямо или косвенно были связаны с содержанием армии или обслуживанием процессов создания и тиражирования военной техники.

2. Диспропорция между развитием сырьевых и обрабатывающих отраслей промышленности. Низкий технический уровень последних обусловил необходимость большого расхода первичных ресурсов на единицу конечной продукции (в 5–6 раз больше, чем в развитых странах Запада).

3. Катастрофическое состояние сельского хозяйства по всем мыслимым параметрам: производительность труда, уровень жизни сельского населения, степень механизации, электрификации, развития транспортной инфраструктуры и т.д.

4. Убогое состояние промышленности, производящей предметы массового спроса населения, сферы бытовых услуг, а также здравоохранения, образования, пенсионного

обеспечения и других форм социальных гарантий жизни граждан.

Эти деформации производственной структуры, накапливавшиеся годами под действием таких катализаторов, как социалистическая индустриализация, коллективизация, Вторая мировая, а затем холодная война, превратили советскую экономику в систему, мало способную к динамичному развитию, имеющую такое количество узких мест и критических точек, что ее выживание без развязывания третьей мировой войны находилось под большим сомнением.

Конечно, был шанс (скорее теоретический) реструктуризации советской экономики в тот период. Но для этого надо было, во-первых, резко изменить внешнеполитическую и военную доктрины. Но ни один лидер «сталинского разлива» (а иных не было) не мог даже этого представить в условиях, когда страна вышла на передовые рубежи в области ракетостроения. Во-вторых, следовало кардинально переориентировать инвестиционную политику на ускоренное развитие потребительского сектора. В-третьих, на базе наукоемких производств, целиком сконцентрированных в военно-промышленном комплексе, необходимо было начать создание высокотехнологичного экспортного сектора гражданской экономики.

Правящая партийная верхушка страны в силу своего ничтожного интеллектуального уровня, полной идеологической зашоренности ни на что подобное пойти не могла. Максимум экономического реформаторства составила целинно-кукурузная кампания. Лишь после ухода с политической арены Хрущева была предпринята попытка, оставаясь в рамках коммунистической идеологии, несколько реформировать механизмы управления экономикой на базе использования (весьма ограниченного) рыночных регуляторов (так называемые косыгинские реформы). Это был робкий шаг к созданию смешанной экономики, к практической реализации идей конвергенции. Советский экономический монстр на удивление чутко отреагировал на эти попытки

отступить от жесткого всепроникающего централизованного планирования. Экономические показатели развития народного хозяйства в 1966–1968 гг. заметно улучшились. Казалось бы, развивай реформы, шаг за шагом расширяй узкие места, устраняй зоны напряжения и повышенного риска срывов хозяйственной системы. Однако это все не для русского человека, особенно большевика. Кропотливая работа не для него. Тут же был создан образ врага в лице чехословацких коммунистов, забежавших в своих реформах на полметра вперед. Роль жандарма куда как привычнее, чем роль реформатора. Одной рукой «пражскую весну» задушили, а другой прихлопнули экономические реформы в своей стране. Об этой второй стороне победы реакционных сил в социалистическом лагере почти никто не говорил. Все были потрясены (и справедливо) танками на улицах Праги. Но идеологические гусеницы этих танков раздавили ростки российского реформаторства.

Однако идеологи не всеильны. Они, конечно, многое могут затормозить или ускорить, но лишь на очень ограниченном отрезке времени. Если экономика в кризисе, то заклинания фанатиков ее не спасут. Что же тогда продлило жизнь централизованному плановому хозяйству? Ответ прост – нефть и газ. Коммунисты в очередной раз «на халяву» получили подарок судьбы, выгащили счастливый билет. Открытие крупномасштабных запасов энергоносителей помогло продержаться одряхлевшей социально-экономической системе еще более двух десятилетий. Здесь как нельзя кстати «сыграл на СССР» и искусственно созданный на мировых рынках так называемый энергетический кризис, в основе которого лежало стремление установить монопольно высокие и, следовательно, выгодные для стран-производителей цены на нефть. К этому следует добавить и то, что ускоренное развитие капиталоемких производств, связанных с разработкой уникальных природных ресурсов, практически всегда требует (и это показывает опыт многих стран) государственной поддержки и централизации управления. Так

что загрузившие было идеологи планового хозяйства получили в эти годы своеобразный нефтегазовый допинг. Структурный кризис – эта хроническая болезнь российской экономики – в который раз была загнана внутрь.

Когда, наконец, советский социализм как господствующая идеологическая система рухнул, вновь затеплилась надежда на выход России из системного экономического кризиса. И эта надежда имела основания, поскольку одним из лозунгов новых российских реформ стал лозунг *стабилизации экономики*.

Однако весьма скоро выяснилось, что термин «стабилизация» понимался российскими реформаторами 1992 г. и последующих лет весьма своеобразно и крайне узко. Вся проблема устойчивого, умеренно рискованного развития с минимизацией вероятности кризисных срывов (узких мест), точек социальных и экономических перегрузок, вся эта комплексная и многоплановая задача выхода общества из тупика была сведена к так называемой финансовой стабилизации. Успех или неудачи политики финансовой стабилизации, если отбросить словесную шелуху, отслеживались по двум параметрам: темп инфляции и размер бюджетного дефицита. Уже само упрощение проблемы измерения оценки здоровья экономики, сведение ее всего к двум параметрам должно было насторожить. Это очень напоминает медицину раннего средневековья, когда температура и динамика веса тела больного были чуть ли не единственными индикаторами его состояния. Но при современном уровне развития фармакологии сбить температуру или обеспечить прибавку веса можно десятком способов, не имеющих, однако, никакого отношения к истинному лечению болезни.

Так оно и получилось. Финансовая стабилизация, понимаемая столь примитивно, а главное, оторванная от анализа других факторов, определяющих реальную социально-экономическую стабильность, стала предметом широких политических спекуляций. Серьезная экономическая проблема стабилизации была низведена до уровня языкового штампа в политической демагогии.

Однако экономика «равнодушна» к политическим ярлыкам. Есть действия (конкретная хозяйственная политика), и есть социально-экономический результат. Как бы ни назывались действия: «шоковая терапия», «демократические реформы», «стабилизационная политика», единственным критерием оценки может быть только экономический результат. Поэтому и реформаторская экономическая политика должна анализироваться с позиций реального выхода, а не априорно навешенных на нее политических лозунгов. Попробуем именно с этих объективных позиций посмотреть на результаты первого пятилетия реформирования российской экономики. При этом не будем забывать, что официальной целью реформ было преодоление скатывания российской экономики к хаосу, стабилизация на базе создания цивилизованного рыночного хозяйства и обеспечение устойчивого сбалансированного экономического роста. Пройти эти три этапа предполагалось сначала за год (1992). Потом каждый приближающийся новый год объявлялся годом грядущей стабилизации (т.е. годом выхода на второй этап). В связи с этим, если вспомнить традиции большевистских идеологов, считавших своим долгом дать название каждому этапу «строительства коммунизма», пятилетку 1992–1996 гг. можно назвать *пятилеткой непрерывно грядущей стабилизации*.

Итак, что же случилось за эти годы на самом деле?

В области производства произошли изменения, сопоставимые с военной катастрофой страны, потерпевшей жестокое поражение. Валовой внутренний продукт России в 1996 г. составлял, по официальным данным МВФ, Всемирного банка, ОЭСР, лишь 53% от уровня 1989 г. Инвестиционная активность в реальном секторе экономики сократилась втрое. Основной удар пришелся на высокотехнологичные сферы производства. Практически прекратили свое существование отрасли по производству станков с программным управлением, оборудования для средств связи и телекоммуникаций, бытовых телеви-

зоров, радиоприемников и вообще бытовой электротехники; были свернуты космические программы, в том числе и гражданской ориентации, прекратилось производство медицинского оборудования и т.д.

Все это произошло под предлогом неконкурентоспособности этих и аналогичных им производств, а также невозможности оказать бюджетную поддержку в деле их модификации. Конечно, японские телевизоры лучше российских, возможно даже, что они лучшие в мире. Но чтобы их покупать, надо что-то продавать. Что же может продать Россия? Как и 20 лет назад: нефть, газ, алмазы, золото, лес. Иными словами, только невозпроизводимые сырьевые ресурсы, обладающие неприятным свойством истощаться. А если бы этими ресурсами бог Россию не одарил? Страна либо сидела бы без телевидения вообще, либо все-таки производила свои, пусть хуже «соневских», телевизоры и телекамеры и думала, как выйти на новый уровень качества продукции. Значит, палочка-выручалочка у реформаторов та же, что и у большевиков. Только они на нефтедоллары строили ракеты и Белый дом, а реформаторы закупают сникерсы, памперсы и восстанавливают храм Христа Спасителя.

О какой же стабилизационной политике может говорить правительство, уничтожающее своего национального товаропроизводителя?

Другим дестабилизирующим фактором общественной жизни России стало фантастическое расслоение населения на богатых и бедных. Шоком для граждан России явилось все: во-первых, сам факт появления и открытой демонстрации контрастов, во-вторых, скорость, с которой это расслоение произошло, и, в-третьих, необъяснимость причин богатства одних и бедности других (во всяком случае, в рамках рационального мышления). К этому вопросу мы еще вернемся в другом контексте. Здесь же хотелось бы обратить внимание читателя только на несколько цифр. Соотношение в уровнях среднедушевого дохода 10% наиболее богатого населения и 10% наиболее бедного составляло в дореформен-

ном 1991 г. 5,4 раза; в 1992 г. – уже 8,7; а к концу 1993 г. – 11,4 раза и т.д. Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума в 1991 г. составляла 17 млн человек (11,7% общей численности населения), а к декабрю 1992 г. – уже 42 млн (28,2%). Но, может быть, это необходимые издержки «шоковой терапии», после которой больной быстро идет на поправку? Ничего подобного. В 1997 г., по данным Госкомстата России, 30,7 млн граждан (21%) имели доходы ниже минимума. То есть живущих за порогом бедности после пяти лет реформ все еще почти в 2 раза больше, чем при коммунистическом режиме. Что касается разрыва между бедностью и богатством, то итогом «пятилетки непрерывно грядущей стабилизации» явилось то, что в 1997 г. на долю 10% самых богатых граждан приходилось 31,7% всех денежных доходов населения, а на долю 10% самых бедных – 2,4%. Так что можно с уверенностью констатировать достижение стабильной социально-экономической нестабильности.

Одним из показателей дестабилизации социально-экономической системы выступает степень аварийности, т.е. вероятность возникновения срывов в системе, сначала на микроуровне, а потом, по мере накопления мелких аварийных ситуаций, переход нестабильности на следующий, более высокий уровень. По этому показателю социально-экономическую систему, расположенную на территории бывшего СССР, можно отнести к зоне перманентно нарастающей аварийности. Причина всего одна – нет денег на профилактику, на предупредительные текущие ремонты, все устаревает, амортизационные фонды либо не начисляются в необходимых размерах, либо используются не по назначению. После трагедии на Сахалине выяснилось, что с 1991 г. в стране было закрыто 52 сейсмические станции, в 5 раз снизилась точность определения масштабов землетрясений.

Можно было бы занять десятки страниц перечислением аварий, вызванных несвоевременным выделением средств на их предотвращение. Это и взрывы на нефте- и газопро-

водах, и разливы нефти в результате аварий танкеров, и железнодорожные катастрофы, и критически возросшая аварийность на российских авиалиниях, и отключение теплосетей в целых микрорайонах больших мегаполисов... Поэтому позволим себе дать только одну зарисовку, вернее, фотографию одного месяца (с 1 по 30 апреля 1997 г., Россия): количество чрезвычайных ситуаций за один месяц – 130, пострадавших – 10 497 человек, погибших – 147 (см.: (Известия, 1997)). Более четырех чрезвычайных ситуаций на общероссийском уровне в день – это, конечно, впечатляет. Но больше всего впечатляет то, что эти ситуации не возникли бы, если бы в соответствии с техническими условиями проводились все необходимые профилактические работы. И этот момент хотелось бы подчеркнуть особо. Статистические данные свидетельствуют, что экономия на текущем ремонте оборачивается расходами на ликвидацию аварий, превышение которых над затратами на профилактику исчисляется в среднем в размере 10^6 , а при авариях, связанных с выбросом нефти и отравляющих веществ, – 10^{10} – 10^{12} . Иными словами, сэкономишь рубль на профилактическом ремонте, потеряешь десятки миллионов рублей на ликвидацию аварии. И чем больше сэкономишь на текущем ремонте и тут, и там, тем больше вероятность наступления момента, когда «все посыпется», т.е. аварии пойдут одна за другой и уже не хватит никаких средств, никаких резервов, чтобы скомпенсировать ущерб от последствий аварийных ситуаций.

Если система управления общественной системой мгновенно не отреагирует на возникшие симптомы распада резким увеличением инвестиций в стабилизирующие звенья системы, то начинается нарастание вероятности срыва сначала в уже обозначившихся узких местах, затем в геометрической прогрессии растет количество самих этих мест. Экономика и общество оказываются в состоянии катастрофы. При этом надо различать две реальные ситуации: система находится в предкатастрофическом состоянии и катастро-

фа уже состоялась, т.е. система распалась. Первая ситуация означает, что ва-банковская политика привела к такому уровню накопления дестабилизационного потенциала в системе, при котором у нее нет достаточных внутренних ресурсов, чтобы погасить нарастание рисков срыва. Вероятность неблагоприятной реализации последних приближается к единице. Иными словами, при нарастании вероятности одновременного наступления большого числа срывов в системе она может оказаться перед фактом острой нехватки средств для ликвидации срывов. Тогда и начинается распад, атомизация социально-экономической системы. Ва-банковская политика, русское «авось» приводят к разрушению иммунной системы общества, ликвидируют его внутренние адаптационные механизмы.

Реформы, во всяком случае на первом пятилетнем интервале, показали, что их внутренняя цель состояла отнюдь не в стабилизации экономической системы, не в преодолении структурного кризиса, а в чем-то другом. Не будем фантазировать, в чем.

Важно, что не состоялось. К сожалению, ни одна из диспропорций, унаследованных от сталинского режима, не была преодолена или хотя бы смягчена.

Гипертрофия военно-промышленного комплекса не переросла в поэтапную программу конверсии. Эту программу бросили на произвол судьбы (опять русское «авось») и в плане идейном (разработка концепции), и в плане материальном (нахождение источников финансирования).

Гипертрофия сырьевых отраслей относительно перерабатывающего комплекса усилилась многократно из-за слабой, но все-таки экспортотенции первых и полной экспортотенции второго.

Сельское хозяйство оказалось в положении супераутсайдера. Ведущее место в производстве картофеля, овощей, фруктов, бахчевых культур заняли так называемые подсобные хозяйства, т.е. маленькие приусадебные наделы (2–4 сотки). В производстве зерновых культур (пшеница, рожь, ячмень и др.)

пальму первенства, естественно, продолжали сохранять бывшие колхозы/совхозы, ныне – АО. Общий объем сельхозпродукции упал на треть.

Производство товаров народного потребления сократилось в 4–5 раз. Особенно тяжелый кризис обрушился на обувную, хлопчатобумажную, кондитерскую промышленность. Рухнула сфера услуг. Почему-то все крупные города России остались в одночасье без официальных услуг такси, прачечных, междугородной телефонной связи и почты. Идеологически и практически капиталистическая система не отвергает этих услуг (только плати). Но в России переход к рынку почему-то увязали с полным развалом системы коммунальных услуг, хотя при этом не забыли многократно повысить цены и тарифы на них.

Убогость экспортного сектора российской экономики после развала восточноевропейского союза стала утрированной. Экспорт машин и оборудования в страны Восточной Европы мгновенно прекратился отчасти потому, что он был навязан политической волей СССР, а отчасти из-за амбиций стран Восточной Европы, возмнивших, что их продукцию можно эффективно сбыть на мировых рынках. Даже если наши предположения могут быть поставлены под сомнение, неопровержим следующий факт: структура российского экспорта стала еще более сырьевой, причем одиозно сырьевой – буквально два-три товара определяют все. О какой стабильности здесь можно говорить?

Таким образом, реформаторы не только не захотели решить проблемы структурного дисбаланса советско-российской экономики (может быть, просто не заметили этой проблемы по причине своего «профессионализма»), но за годы реформаторства целенаправленно эти проблемы обострили.

Литература

Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Лондон, ОРІ, 1989.

Известия. 1997. 7 мая.

Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. М: Эпифания, 1994.

Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Т. II. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952.

Рукопись поступила в редакцию 22.11.2011 г.